

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-164-182

УДК 811.221.18

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕЧЛЕНИМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Моргоева Л.Б.

Цель. Статья посвящена изучению коммуникативной природе нечленных предложений в осетинском языке, их структурной организации и семантической зависимости от контекста. Система нечленных синтаксических конструкций имеет тесную связь с морфологией и устойчивыми оборотами живой речи. Автор ставит целью рассмотреть структурные особенности нечленных конструкций и их семантическую вариативность в контекстном употреблении.

Метод или методология проведенной работы. Используются методы сравнительного и структурного анализа и обобщения.

Результаты. Для выявления особенностей контекстной семантики нечленных предложений осетинского языка критически проанализированы их типологические классификации, существующие на сегодняшний день. В ходе исследования был выявлен ряд проблем, связанных с определением статуса нечленных предложений в системе осетинского синтаксиса, терминологическим аппаратом, установлением категориальных признаков нечленности синтаксических конструкций и их морфологическим составом. Сопоставительный анализ различных подходов показал общность групп, входящих в систему нечленных предложений осетинского языка, в числе которых указательные, вопросительные и побудительные конструкции с утвердительной и отрицательной семантикой. Спорным остается включение в состав нечленных предложений конструкций с эмоционально-оценочной нагрузкой. Морфологический состав этих конструкций и отсутствие традиционных синтаксических связей между компонентами дает возможность рассматривать их как

нечленимые. Однако, явное тяготение к устойчивости большинства нечленимых предложений с эмоционально-оценочной нагрузкой сближает их с фразеологизированными конструкциями.

Область применения результатов. Результаты поведенного исследования могут послужить материалом для более глубокого и детального изучения феномена нечленимых синтаксических конструкций осетинского языка, в том числе и с привлечением смежных дисциплин.

Ключевые слова: синтаксис; нечленимое предложение; контекстная семантика; осетинский язык.

SEMANTIC ORGANIZATION OF INDIVISIBLE SENTENCES IN THE OSSETIAN LANGUAGE

Morgoeva L.B.

Purpose. The article is devoted to the study of the communicative nature of indivisible sentences in the Ossetian language, their structural organization and semantic dependence on the context. The system of indivisible syntactic constructions is closely connected with morphology and colloquial set expressions. The author aims to consider the structural features of indivisible structures and their semantic variability in contextual use.

The method or methodology of the work performed. The methods of comparative and structural analysis and generalization were used.

Results. To identify the features of the contextual semantics of indivisible sentences of the Ossetian language, their existing typological classifications were critically analyzed. In the course of the study, a number of problems were identified related to the determination of the status of indivisible sentences in the system of Ossetian syntax, the terminological apparatus, the establishment of categorical features of the inseparability of syntactic constructions and their morphological composition. A comparative analysis of various approaches showed the commonality of the groups included in the system of indivisible sentences of the Osse-

tian language, including indicative, interrogative and motivating constructions with positive and negative semantics. It remains controversial whether to include constructions with an emotional and evaluative load in the structure of indivisible sentences. The morphological composition of these constructions and the absence of traditional syntactic links between the components makes it possible to consider them as inseparable. However, the obvious gravitation towards the stability of the majority of indivisible sentences with an emotional and evaluative load brings them closer to phraseological constructions.

Practical implications. *The results of the behavioral research can serve as material for a deeper and more detailed study of the phenomenon of inseparable syntactic structures of the Ossetian language, including with the involvement of related disciplines.*

Keywords: *syntax; indivisible sentence; context semantics; Ossetian language.*

В осетинском языке значение грамматических форм единицы языка в полной мере раскрывается исключительно в тексте, демонстрируя свои функциональные возможности. Следуя этой концепции, наиболее привлекательной единицей живой речи является нечленимое предложение (НП), которое заслуживает специального исследования. В теории общей лингвистики НП относятся к разряду простого предложения и ограничиваются коротким общим определением с указанием основных функций в живой речи.

По своим функциональным признакам НП близки к повествовательным, вопросительным и восклицательным предложениям. Однако, надо понимать, что вопросительные предложения не всегда требуют ответа, а восклицательный знак не всегда побуждает к действию: все функционально-семантические особенности определяются в процессе речи, главным образом, во время диалога, когда говорящий под воздействием сиюминутных эмоций, провоцируемых возникающими в процессе речи мыслями, выстраивает свою речь.

Сфера употребления НП в основном сконцентрирована в разговорной речи и продиктована необходимостью выразить свое согла-

сие / несогласие и эмоциональное отношение на воспринимаемую информацию. Лексическими средствами выражения такого отношения являются слова *о* «да», *на* «нет», *хорз* «хорош», но, помимо них, говорящий часто прибегает к более сложным конструкциям с той же оценочной семантикой. Для анализа и классификации значений таких конструкций необходимо рассматривать их внутри контекста.

Предложение как синтаксическая единица строится на основе принципов разных уровней: грамматическая структура имеет предикативную основу; семантическая структура предполагает наличие компонентов, указывающих на субъект со значением предиката с действием; коммуникативная структура предложения требует наличие компонентов, указывающих на тему (исходную информацию) и рему (новые сведения по этой теме) [3, с. 62]. Отношения обеих частей предложения и деление их по объективной модальности связаны со смысловыми признаками предложения. Различные значения объективной модальности выражаются предложениях реальной и ирреальной модальности [Там же, с. 60]. Признаки различных субъективно-модальных оттенков выражаются в предложениях, демонстрирующих отношение к объективной реальности (сомнение, надежда, условия, безусловность и т.д.).

При том, что рассматриваемые нечленимые конструкции относятся к самостоятельному типу предложений, отношение к ним особое, и определение их места в системе простого предложения зачастую затруднено. Особенность их состоит в происхождении и характерном построении: между лексическими компонентами отсутствуют синтаксические отношения или они очень слабые, поэтому в них невозможно определение членов предложения (*О* «Да»; *Уæдæ на!* «А то нет!»; *Куыннаема, стæ!* «Да, конечно!»; *Æндар ма цы!* «Еще чего!»), и они не поддаются распространению при помощи второстепенных членов предложения (Ср.: *Сбон ис – Тагъд сбон ис* «Рассвело – Быстро рассвело»; *Зымаг – Узал зымаг* «Зима – Холодная зима»).

Ввиду того, что компоненты НП не изменяют свою грамматическую форму и используются в речи в закрепленном виде, их часто

называют словами-предложениями. Они не поддаются членению на односоставные и двусоставные, поэтому целесообразнее будет рассматривать в аспекте дихотомии «предложение – эквивалент предложения», т.е. считать нечленимые слова-предложения эквивалентами предложения [6, с. 21].

В отличие от предложений, их эквиваленты не имеют самостоятельной смысловой нагрузки и абстрактной грамматической формы, они определяются исключительно внутри контекста: *–Ды маем дзырдтай?/– О. «Ты меня звал? /– Да».* Здесь слово *О «Да»* опирается на смысловое содержание предыдущего предложения. После него возможны и другие слова, но они не заменяют друг друга. В отдельном виде слова *О «Да»* и *Нæ «Нет»* указывают на отношение к какому-либо конкретному высказыванию и не содержат внутреннего смысла. Именно такого мнения придерживается большинство ученых. Таким образом, НП не имеют определенной грамматической формы, признаков модальности, времени и лица. Наконец, НП состоят из немногочисленных лексико-грамматических единиц (главным образом модальных слов, междометий, частиц), и все они поддаются перечислению. Вместе с тем НП в диалогической речи часто используются при определенной речевой ситуации.

В теории современной лингвистике НП дается краткое определение, смысл которого сводится к тому, что они относятся к отдельному типу предложений и состоят из одного слова. По общим характеристикам и признакам их называют слова-предложения [3, с. 191], эквиваленты предложения [7; 6, с. 217], коммуникемы [8], и в научных источниках зачастую приводится одинаковый иллюстративный материал. Однако при более пристальном внимании к данному типу предложений выявляются особенности, которые вызывают определенные сомнения и пристальный интерес.

Так, НП завершают структурно-семантическую систему простого предложения. Основным характеризующим признаком является их нечленимость на структурные части высказывания, и они воспринимаются как единое целое. Такие предложения являются коммуникативным средством, которые не имеют предикативности

и традиционных членов предложения [10, с. 157]. Мысль высказывается без предикативного членения, а их семантическое наполнение окончательно определяется исключительно внутри контекста с учетом речевой ситуации. Слова, входящие в состав НП, лишены номинативного значения, что является их отличительным признаком, поэтому дифференциация таких предложений основана на категории слов, входящих в их состав. Иными словами, различают: а) слова –предложения, выраженные частицами; б) предложения, выраженные модальными словами; в) междометные предложения [1; 2; 4; 10].

НП, так же, как и остальные виды предложений, бывают утвердительные и отрицательные, а по цели высказывания – повествовательные, вопросительные, побудительные, и по эмоциональной окрашенности – восклицательные и невосклицательные. Такого деления придерживаются все лингвисты, однако классификационные признаки построения у разных авторов отличны друг от друга.

Характеристика простого предложения в осетинском языке и его место в системе синтаксиса практически ничем не отличается от его понимания в общей теории синтаксиса. Как в русском, так и в осетинском языке НП изучается в рамках простого предложения.

В «Грамматике осетинского языка» НП определяются как особый структурный тип предложения, который выражает мысли, сообщающие о чувствах и волеизъявлении [4]. Их грамматическое построение не позволяет вычленивать члены предложения, поскольку они состоят из частиц и междометных слов. Модальность как свойство НП и модальные слова как образующие компоненты не указаны в их общем описании, но внесены в классификацию НП в качестве самостоятельной группы.

Таким образом, типология НП представлена 8 группами: 1) утвердительные (*О, Аеуае, Агъа, Ай-гъай*); 2) отрицательные (*Нæ, Нæгъ, Абабау*); 3) вопросительные (*А?, Ома?, Циу?*); 4) указательные (*Маена «Вот», Дæлæ гъе «Вон те»*); 5) побудительные и восклицательные (*Ала, Ала-ма, Марадз*); 6) этикетные слова (*Хæрзбон «Прощай», Байрай, Салам «Привет»*); 7) с модально-эмоциональ-

ным значением (*Æвæццæгæн, Æнхъæлдæн, Чи зоны*); 8) оценочные (*Бæдæйнаг, Иттæг хорз*) [Там же].

Единицы каждой из этих групп рассматриваются исключительно в контексте с учетом речевой ситуации, поскольку окончательное значение они выражают в контекстном окружении. «Грамматика осетинского языка» не предлагает более обстоятельного описания этих групп, однако этого достаточно, чтобы понимать необходимость в их пристальном изучении и детальном анализе.

Представленные группы несколько позднее были сокращены до трех. В двухтомном издании «Современного осетинского языка» Н.К. Багаев называет НП словами-предложениями и предлагает классификацию, в которую включены; 1) утвердительные и отрицательные слова-предложения; 2) вопросительные слова-предложения; 3) восклицательные слова-предложения [2]. Понятно, что в первую группу были включены НП двух функциональных типов, а восклицательные НП были объединены с модально-эмоциональными и побудительными словами-предложениями. Такой подход, вероятно, был мотивирован принципом интонационного оформления. Вместе с тем, в отличие от предыдущей работы, особое внимание было уделено лексико-семантической составляющей НП.

Так, слова-предложения используются в диалогической речи в качестве ответных или вопросительных реплик. Встречаются они и в монологической речи для утверждения сказанного или демонстрации конфликта собственных рассуждений и мыслей. Такие предложения не имеют собственной смысловой нагрузки и тесно связаны с контекстом, в котором и происходит активизация их завершенного значения.

Для правильного понимания и определения НП следует обратить внимание за особенность, которую отметил Н.К. Багаев. По его мнению, утвердительную частицу *О* «Да» не следует путать с усилительной частицей *О* «конечно» и восклицательным *О*; частицу *хорз* «хорошо» – с прилагательным *хорз* «хороший» и наречием *хорз* «хорошо»; отрицательную частицу *Нæ, нæй* «нет, нету» – с отрицательным *нæ* «не», используемым с глаголами действия и

словом *нæй* «нету» в значении глагола. [Там же, с. 225]. Не следует относить к НП и предложения, выраженные одним словом глагольной формы (*Банцай!* Прекрати!)» *Ныхъхъус у!* «Замолчи!»), а также слова (чаще наречия) с побудительным значением, которые можно дополнить глаголом (*Мидæмæ!* «Заходите! (букв. «внутри» от усеченного сочетания *мидæмæ рахиз (-ут)*), *Уæлæмæ!* «Встать! (букв. «вверх», от усеченного *уæлæмæ сыст* «встань вверх»), *Æмдзæгъд!* «Аплодисменты!»). Подмеченные особенности существенно углубили понимание НП и их особенностей.

Исследовательские труды осетиноведов 80–90 гг. XX в. еще до недавнего времени были фундаментальными и основополагающими. Особенно это относится к такой сложной и весьма неоднозначной категории синтаксиса, как НП. В настоящее время вопросы языкознания все чаще рассматриваются в тесной связи внутренним миром говорящего, его чувствами, контекстом, речевой ситуацией, с учетом переносных смыслов и многими другими обстоятельствами, условиями и свойствами речи. По мнению Е.С. Кубряковой, «акты речи, из которых складывается речевая деятельность, с самого начала не только целенаправлены, но и ситуационно ориентированы; они связаны с личностью говорящего и личностью слушающего, но одновременно и с тем, что имеется общего не только между собеседниками как таковыми, но и с тем, что имеется общего у членов данного коллектива» [5, с. 10].

Таким образом, НП в осетинском языке не получило своего полного системного рассмотрения и до настоящего времени не становилось объектом специальных исследований. В то же время существующие описания и предложенные классификации НП были подвергнуты критическому анализу и, получив научную оценку, были внесены в пособие по современному осетинскому языку для высших школ [10]. В отличие от указанных ранее работ, в данном пособии НП именуется коммуникемами и классифицируются по функциональным признакам на: 1) утвердительные, 2) отрицательные, 3) вопросительные, 4) побудительные, 5) эмоционально-оценочные предложения. Выбор термина *коммуникема* свидетельству-

ет о том, что теория «автора» этого термина В.Ю. Меликяна [8] близка составителям учебного пособия. В действительности этот термин более точно выражает коммуникативные функции НП по сравнению с другими типами предложений. Этому способствует и их структурное оформление, и прагматическая направленность. Однако, как становится понятным, ни один из представленных терминов не закрепился в научном обороте настолько, чтобы в полной мере отображать особенности данного типа синтаксических конструкций. Этот уникальный тип предложений еще подлежит глубокому и всестороннему исследованию.

Очевидны и бесспорны основные признаки НП: они являются цельнооформленными, грамматически нечленимыми, НП тесно связаны с контекстом, употребляются в неизменном виде. Компоненты таких конструкций не имеют номинативного значения и не изменяются по грамматическим формам. Семантика их связана исключительно с экспрессией, т.е. они демонстрируют отношение говорящего к адресату речи и тому, что сообщается [9]. Именно поэтому можно говорить об основной функции НП – экспрессивно-оценочной, поскольку НП содержат мощную эмоциональную и экспрессивную семантику.

В диалогической речи НП выполняют особые функциональные задачи, т.к. с их помощью: 1) выражается эмоциональное состояние говорящего, 2) речь становится максимально экспрессивной, по сравнению с предложениями, вместо которых они используются, 3) диалогическая речь приобретает определенные прагматически смыслы.

Использование НП в речи всегда мотивировано желанием говорящего достичь определенных коммуникативных целей. Именно поэтому наиболее яркие из них бывают эмоционально наполненными с широкими коммуникативно-прагматическими возможностями.

Утвердительные НП служат для подтверждения ранее сказанного, выражая согласие с высказыванием собеседника, или для укрепления своего утверждения. Употребление в таких случаях однозначного и категоричного *О* «Да» или *Нæ* «Нет» не оставляет

никаких сомнений в эмоциональной направленности НП. Замена их другими словами влечет за собой обязательное и непереносимое появление дополнительных эмоциональных оттенков.

Ср.: *Агуыбейы агурыс, Госада? / – О! Никуы йыл аерхаецыд да цаест? (Хъайтматы С. «Таймураз») «Госада, ты Агубе ищешь? / Да! Нигде не заметил его?»* и

Цай, аессардтай Цолайы? / – Куыннае! Раст аей Фасхъауы чын-дзаехсаеы бадга байафтон. (Темыраты Д. «Пасейы фандон») «Ну, нашел Цола? / – Как же! Прямо на окраине села сидя на свадьбе застал»

Такие семантические оттенки тесно связаны с компонентами НП, которые, как правило, состоят из одного или нескольких слов. Для выражения согласия / несогласия часто используются слова с самостоятельным морфологическим статусом: *ныртакка* «сейчас», *уада* «тогда», *афта* «так», *ацаг* «действительно», *хорз* «хорошо», *балвырд* «определенно» и др. В зависимости от контекста они могут выражать как согласие, так и несогласие, т.е. выражать значения *да* и *нет*, причем с некоторым присутствием собственного лексического значения. Эти варианты можно условно назвать контекстными омонимами. Ср.:

– *Магуыр йае бон Сидонайсен!.. / – Ецаггаей ма, (Сечъынаты Л. «Къаейных Сидона») «–Бедная Сидона! / – И правда!..»*; и *Диссаг куыннае уыдис уымае бакасын, уый сае куды анувыдаей раевдыдта, уымае! Хорз, лагтыдзуар дын хорз ракаена... (Сечъынаты Л. «Дзыгъуыр карк») «Как ни чудно было на него посмотреть, на то, как он их старательно утешал! Хорошо, пусть покровитель мужчин дарует тебе благо...»*

Для большей убедительности, выражения исключительного согласия или его усиления в речи часто используются частицы и междометия в удвоенном виде в качестве повторов: *Фалидз дае хуыцауаей. Дыуаейы уарзаеи наей, Заирае! / – Цай, хорз... Хорз! Иу чысыл мае бауадз маехи аерамбарын. «Исчезни ради бога. Двух любить нельзя, Заира! / Ну, ладно... Ладно! Дай мне немного прийти в себя.» (Мерденов Ю. Виновные); Цомут ныр аемае Турбеджы хорз*

уынаффа баххаест кәнаем / – Ай-гъай! Ай-гъай! Цомут! (Хъороты Д. «Уарзәттә») – «Идемте теперь, и исполним хорошее решение Таурбега. / – Еще бы! Еще бы! Идемте!»

Встречаются и три слова подряд. В этом случае чаще всего демонстрируется обоюдное согласие собеседников, находятся в одинаковом эмоциональном русле и словесно закрепляют общее для них мнение по поводу предмета речи: *Уадаә йә фендзынаә да иуәндәс әмә ссадзәем азы. / – Бәгуы, бәгуы. Адонәен уый ацъыкк кәнын галы комы сыф! / – Афтә, афтә, афтә... Әмә паддзахады фәрәзтыл ахъуыды кодтай? (Темыраты Д. Царгәсы хох)»* «Ну тогда увидишь это на тридцатом году своей жизни. / – Конечно, конечно. Этим такое провернуть, что листок в пасти быка! / – Так, так все, так... А о средствах государства подумал?»

Предложения, состоящие из модальных слов, выражают согласие с ранее сказанным, но содержат оттенок некоторого сомнения: *Иу бон, дам, мын маә ныв сусәгәй кодтай блокноты. / – Чи зоны. / – Әмә йын фенәен нәй? / – Кәд да тынг фәнды, уәд... (Ситохаты С. Уарзондзинад дидинәг калы)»* «– Говорят, ты на днях в тайне рисовал мой портрет. / – Кто знает. / – А нельзя посмотреть? / – Если очень хочешь...»; *Къәвда әз нә расайдтон, арв әмә зәхх кәрәдзи маән тыххәй нә хостой. / – Да әмондәен, әвәәцәгәен... / – Чи зоны. (Токаты А. «Фәндыр)»* «– Дождь не я вызвал, небо с землей бились друг об друга не из-за меня. / – На твое счастье, видим... / – Возможно»

В утвердительных НП с различными частями речи часто встречаются обращения и вводные слова. Их общее смысловое значение следует одной мысли (утверждения и согласия с мнением говорящего), но сообщают некоторые дополнительные эмоциональные оттенки.

НП с отрицательным значением используются для выражения несогласия говорящего с сообщаемой информацией, его отрицания, резко противоположного отношения к ней, или для выражения сомнения. По своей структуре такие предложения чаще всего бывают простыми, т.е. состоят из одного слова или его дублирования: – *Йә*

лæдзæг дæр ма йæхимæ ис? / – Нæй! (Хъороты Д. «Æз нæ уыдтæн – кæды уыди») «Его палка тоже еще у него? / – Нет!»; – Фæйна ма бануазут. / – Нал, нал, нал. (Хуыгаты С. «Фыдаелты кад») «Выпейте по одной. / – Нет больше, нет, нет»; Нæ, нæ! Ницы хуызы. Ды хъæбæрыл бадай, æз та?.. (Ситохаты С. «Уарзондзинад дидинаг калы») «Не, не! Ни в коем случае. Ты должна на твердом сидеть, а я?..».

В тех случаях, когда отрицательное значение является результатом сильных эмоций, в предложении присутствуют несколько слов с одинаковым отрицательным значением. Прагматически это оправдано желанием говорящего усилить категоричность своего отношения. Как правило, в предложении такие слова выстраиваются друг за другом: Уæдæ Заирæйы хъуыддаг кæронмæ ахæццæ кæнаем. / – Нæ, æз нал!.. (Мерденты Ю. «Азымджынтæ») «– Ну тогда закончим дело Заиры! / – Не, я больше нет!»; Нæй, нæй, уый гæнаен нæй. Раздæр дæр дын куы загътон мæ фæнд, фæлæ мæ мауал мæсты кæн, хуыздæр нæ уыдзæни... (Хъороты Д. «Æз нæ уыдтæн – гæды уыди»). «Нет, нет, этому не бывать! Я и раньше высказывал свое мнение...».

Схожий усилительный эффект появляется и в сочетании с обращением или ласкательной формулой. В этом случае обращение занимает позицию между повторяемыми словами: Нал, Габо, нал! «Уже нет, Габо, уже нет!»; «Нæ, нæ, мæ зæрдæ, ныр мæ байрагау дæ фæдыл нал аскъæфдзына!» (Ситохаты С. «Уарзондзинад дидинаг калы») «Не, не, сердце мое, теперь ты меня как лошадку за собой не умыкнешь!».

Отрицание в НП часто выражается словами (частицами), которые не имеют в своем значении отрицательности. И в этом случае их отрицательность определяется по контексту и интонационному оформлению: -Путевка, дам, дын дæттыни, æмæ, дам... / – Ныртæккæ, куыстыты афон, кæй æвдæлы санаторимæ? Кæд зымæджы... (Ситохаты С. «Уарзондзинад дидинаг калы») «– Путевку, говорят, тебе дают, и, говорят... / – Сейчас, в разгар работ кому до санатория?»; -Хæлæг æм кæныс? / – Куынна стæй! Изгарды хос! Нæ съл æууæндын! Уæйгæнаг сты! (Темыраты Д. «Спар-

так») «– Завидуешь ему? / – Как же! Сушая изжога! Не верю я им! Продажные они!».

Вопросительные НП помимо вопроса содержат дополнительные смысловые оттенки: в виде вопроса закрепляется утверждение, категоричность желания или мнение по поводу ранее сказанного; демонстрируется заинтересованность в беседе и другие смысловые оттенки в зависимости от контекста. Они всегда требуют ответа или мотивируют, провоцируют к дальнейшей беседе или действиям. Как и предыдущие группы, вопросительные НП могут состоять из одного слова: *А?* «А?»; *И?* «Ну?»; *Цы?* «Что?»; *Ома?* «То есть?»; *Циу?* «Что такое?»; *Куынна?* «Как же?»; *Цауылна?* (*Цауынна?*) «Почему?»; *Уада?* «А (как)?»; *Аццай?* «Скажи же?» и др.

Исследованный материал показывает, что в диалогической речи НП чаще встречаются комплексно, т.е. друг за другом. При этом семантически они могут различаться. Благодаря таким возможностям более красочно выражается эмоциональное столкновение мнений собеседников или их стремление к согласию. В любом случае, диалог, в котором присутствуют НП, бывает наделен высокой степенью эмоциональности, не имея при этом никакой семантически информативной составляющей: – *Бузныг! Къаэдзехы фырт Сикъо ды да, каэд на рæдийын, уæд? / –И? / –. Къуырма да? / – О!.. Нагъа!.. Сикъо даен. (Айларты А. «Æз дар да уарзын») «– Спасибо! Казах сын Сико это ты, если не ошибаюсь? / – Что? / –Ты глухой? / –Да!..Нет!..Я Сико».*

К отдельному виду вопросительных предложений можно отнести НП с несколькими словами. От остальных вопросительных НП они отличаются тем, что помимо вопроса они содержат компоненты, указывающие на сильное эмоциональное состояние удивления: – *О, ме стыр фыд! Æз уый аккаг на даен, аема мын ды хæрзууджытæ дæттай... / – Æгъгъæд, æгъгъæд! Нæ загъыс раст, ма хур! Ду, уый та кудыд?! (Темыраты Д. «Хан аема йæ фырттæ») «О, мой большой отец! Я не достоин того, чтобы ты меня награждал... / – Довольно! Довольно! Неправильно говоришь, солнце мое! Неужели, как это так?!; – Хорз. Цæйдæр дохтыртæ, дам, хæхтæ уынæг*

рбацауыңы, аема, дам, рынчыны уыдонан фенын каenam. / – Гъайда-гъа, уанцон нау, уый та куд? (Хъороты Д. «Дасны») «– Хорошо. Какие-то врачи, говорят, едут увидеть горы, и надо, мол, им показать больного. / – Вот тебе раз, неужели, как это так?».

В таких предложениях вместе с вопросительным словом употребляется междометие, модальное слово, указательные слова – местоимения. При этом каждое слово выполняет свои функции. Скажем, удивление выражается при помощи междометий *уаууа, гъайда-гъа, ау*; вводные слова и обращения несут значение модальности и указывают на отношение говорящего к адресату вопроса и к самому вопросу.

Указательные НП по эмоциональной составляющей, можно сказать, самые нейтральные. Чаще всего они указывают на предмет/объект, находящийся рядом с говорящим или собеседником. Их функциональное назначение ограничено и выражается при помощи указательных частиц *маена, делае, уертэ* и др. [4, с. 262]: – *Уаеда дам отwertка дэр уыдзан. / – О, маена.* (Айларты А. «Къафетты къопп») «–Значит и отwertка у тебя найдется. / – Да, вот»; *Аеххаст ма нын са на барзайтыл сбадын каенут! Гъа, маена!* (Темыраты Д. «Дасхан») «Еще посадите их нам на шею! На, вот! (похлопал ладонью по своей шее)

Такие однословные указательные предложения встречаются крайне редко. Их следует отличать от предложений-обращений: они могут быть схожи по своему построению, но различны по своей семантической наполненности. Их отличительным признаком является то, что используются, главным образом, для привлечения внимания собеседника, к которому направлен вопрос (*–Цы фестут, Сосланбек? / –Марадзут, Махамает!* «–Куда вы делись, Сосланбек? / – Бегом, Магомет!»); во-вторых, для демонстрации эмоциональной реакции на слова и действия собеседника (*Аена!.. Йа цаегомы туджы цъыртт нал аздад Разитайен* «Ба!.. На лице у Разиат кровинки не осталось» [10, с. 153].

Следует отметить, что не все исследователи выделяют указательные НП в самостоятельную группу [3; 27], и признают НП в каче-

стве самостоятельного типа предложений [2, с. 232]. Вместе с тем при соответствующем контекстном употреблении они могут выступать как вербальное сопровождение эмоциональных действий.

Предложения, выраженные с помощью междометий, требуют соответствующего восклицательного интонационного сопровождения. Следуя классификации Н.К. Багаева, их можно отнести к побудительным и эмоционально-оценочным предложениям [2].

Побудительные НП всегда побуждают одного из собеседников к определенным действиям. Однако адресованы они бывают не только собеседнику. Отдельная подгруппа междометий применяется к животным, когда от них также требуется определенное действие. Они немногочисленны и по их форме легко распознаются адресаты: *Тпру!*; *Уыст!* «Фас!»; *Хе!* «Но!»; *Уыссиу!* «Кыш!»; *Кыс!* «Брысь!». При определенной речевой ситуации и в соответствии с коммуникативными задачами могут применяться и в адрес человека.

В разговорной речи встречаются предложения, состоящие из звукоподражательных междометий. По поводу таких предложений у осетиноведов нет единого мнения. В «Грамматике осетинского языка» они относятся к побудительным предложениям, выраженным междометиями, передающими звуки животных, птиц и явления природы: *Стонг бирæгæу дымгæ ницы* – «у-у-у!» «Подобно голодному волку, ветер воеет – «у-у-у!» [4, с. 263].

По мнению же Н.К. Багаева, звукоподражательные восклицательные предложения не являются побудительными и не относятся к нечленимым синтаксическим конструкциям, поскольку такие звукоподражательные элементы не имеют ни утвердительного, ни отрицательного значения. Кроме того, они не выражают никакого отношения к конкретной речевой ситуации [2, с. 233], а значит не имеют функциональных и прагматических задач. Такая позиция становится весьма убедительной при рассмотрении языкового материала, в котором обнаруживаются функциональные отличия от вышерассмотренных групп нечленимых предложений. Ср.: – *Тс-с! Акæндзынæ мæ? / – Акæндзынæн. (Темыраты Д. «Цыколайы бæлас»)* «– Тс-с! Отведешь меня? / – Отведу». и – *Фарн фæцæуы,*

фарн! / – Дæнг! Дæнг! (Хъайттаты С. «Куырдуаты бадаг») «–Благодать идет, благодать! / – Бах! Бах!».

Таким образом, НП относятся к одной из синтаксических форм разговорной речи и являются важным коммуникативным средством, реализуемым в диалогической и монологической речи. А с помощью звукоподражательных элементов речи передаются слышимые или воспроизводимые звуки, не выполняющие контактоустанавливающих функций в речи.

Эмоционально-оценочные НП используются в речи для выражения чувств и эмоций, связанных с предметом речи, с отношением к происходящему, с отношением к собеседнику. Как субъективная форма речи такие предложения еще обладают и оттенками оценочного значения.

Спорной является и эта группа НП, которую признают не все исследователи осетинского языка. Н.К. Багаев относит к этой группе лишь такие слова-предложения, в которых при помощи междометий выражаются эмоции и чувства. [2, с. 232] (*Эх! Куыд хорз дæ ахуырдынад!*; «*Эх! Как хороша образованность!*»; *Оххай-гъе... Нæ рынчын нæ рохуаты куы баззад!* «Ох-х!.. Наш больной остался без внимания»). «Грамматика осетинского языка» к образующим компонентам таких НП относит междометные слова и словосочетания (*Æллах!.. Мæлын!.. Æллах!.. Мæ гуыбын!* «*Аллах!.. Умираю!.. Аллах!.. Мой живот!*»; *Дæ-дæ-дæй, нана, дæ-дæ-дæй! Мæ сæр та фæтоны.* «*Ой-ой-ой, бабушка, ой-ой-ой! Голова опять разрывается!*») [4, с. 263].

Р.Г. Цопанова и И.Н. Колиева не рассматривают каждую группу в отдельности, но предлагают общее понятие, в котором средства выражения и компоненты НП, к которым относят, помимо частиц и междометий, модальные слова и лексические единицы со сниженной степенью собственного значения [10, с. 157]. Отсутствие глубокого анализа и аргументированных выводов по данным группам НП делает уязвимыми все предлагаемые классификации. Исследования последних лет, а также имеющийся иллюстративный материал, указывают на расширение функциональных возможностей НП. Есть

основания в их состав включать не только частицы и междометия, но и другие языковые единицы с ослабленной семантической активностью. Особенность таких конструкций состоит в неоднородности морфологического состава и структурной устойчивости, тяготеющей к фразеологизированным конструкциям [9].

При анализе нечлененых предложений, главным образом восклицательных, следует учитывать природу их эмоционального происхождения, особенно в разговорной речи. Благодаря этому синтаксические конструкции данного типа способны выражать тончайшие смысловые оттенки, раскрывающиеся исключительно в контексте в сочетании с интонационным оформлением.

Список литературы

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация / Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и лит-ра» в 3 ч. Ч. 3. / 2-е изд., перераб. М. Просвещение, 1987. 256 с.
2. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Синтаксис. Т. 2. Изд-во «Ир», Орджоникидзе, 1982. 493 с.
3. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис / Учебник. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.
4. Грамматика осетинского языка / Под ред. проф. Г.С. Ахвледиани. Синтаксис. Т. 2. Орджоникидзе: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Сев.-Осет. АССР, 1969. 387 с.
5. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение в речи. М.: Наука, 1991. 238 с.
6. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Высшая школа, 2004. 247 с.
7. Лекант П.А. Предложение и высказывание // Строение предложения и содержание высказывания: Межвузовский сборник научных трудов. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1986. С. 3–8.
8. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения: Учебное пособие. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004, 288 с.

9. Моргоева Л.Б. Паремии и речевые формулы осетинского языка: семантический, прагматический и этнолингвистический аспекты. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 162 с.
10. Цопанова Р.Г., Колиева И.Н. Современный осетинский язык. Словосочетание и синтаксис простого предложения. Уч. пособие. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2017, 220 с.

References

1. Babaitseva V.V., Maksimov L. Yu. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis. Puntuaciya* [Modern Russian language. Syntax. Punctuation]. Vol. 3. Moscow: Prosveshchenie, 1987. 256 p.
2. Bagaev N.K. *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Sintaksis* [Modern Ossetian language. Syntax]. Vol. 2. Ordzhonikidze: Ir Publ., 1982. 493 p.
3. Valgina N.S. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis* [Modern Russian language: Syntax]. Moscow: Vysshaya shkola, 2003. 416 p.
4. *Grammatika osetinskogo yazyka. Sintaksis* [Grammar of the Ossetian language. Syntax]. Vol. 2. Ordzhonikidze, 1969. 387 p.
5. Kubryakova E.S. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie v rechi* [The human factor in the language. Language and generation in speech]. Moscow: Nauka, 1991. 238 p.
6. Lekant P.A. *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntax of a simple sentence in modern Russian]: Moscow: Vysshaya shkola, 2004. 247 p.
7. Lekant P.A. *Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Interuniversity collection of scientific papers]. Moscow: MOPI im. N.K. Krupskoi, 1986: 3–8.
8. Melikyan V.Yu. *Sovremennyy usskii yazyk. Sintaksis nechlenimogo predlozheniya* [Modern Russian language. Indivisible sentence syntax]. Rostov n/D: RGPU Publ., 2004, 288 p.
9. Morgoeva L.B. *Paremii i rechevye formuly osetinskogo yazyka: semanticheskiy, pragmaticheskiy i etnolingvisticheskiy aspekty* [Paremas and speech formulas of the Ossetian language: semantic, pragmatic and ethnolinguistic aspects]. Vladikavkaz: IPT SOIGSI VNT RAN i RSO-A, 2015. 162 p.

10. Tsopanova R.G., Kolieva I.N. *Sovremennyi osetinskii yazyk. Slovosochetanie i sintaksis prostogo predlozheniya* [Modern Ossetian language. Word combination and syntax of the simple sentence]. Vladikavkaz: IPT SOGU, 2017. 220 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Моргоева Лариса Батразовна, старший научный сотрудник отдела осетинского языкознания, кандидат филологических наук
*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН
PCO-Алания*
пр. Мира, 10, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362000, Российская Федерация
Lalik_m@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Morgoeva Larisa Batrazovna, Senior Researcher of the Ossetian Linguistics Department, Candidate of Philological Sciences
North Ossetian Institute of Humanities and Social Research, Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences, North Ossetia-Alania
10, Mira ave., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362000, Russian Federation
Lalik_m@mail.ru
SPIN-code: 9547-1930
ORCID: 0000-0003-3725-754X
ResearcherID: J-5680-2018